

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1106-1115
УДК 811.161.1'37:821.161.1-31

Научная статья / Research article

Узуальное и индивидуально-авторское функционирование лексем *грёза* и *мечта* в поэзии Игоря-Северянина

Г.И. Шляхова

ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького»
Тверской бульвар, д. 25, Москва, Российская Федерация, 123104
galine_24@mail.ru

В статье представлен анализ употребления лексики ментальной сферы в поэзии Игоря-Северянина. Относящиеся к ментальному полю лексемы *грёза* и *мечта* выступают в творчестве эгофутуриста лейтмотивными, смыслообразующими элементами. Частотность их употребления в поэтических текстах Северянина на несколько порядков выше, чем в современном русском языке, что позволяет говорить об их особой роли. Кроме того, сопоставление контекстуальных значений лексем со словарными показывает, как в стихотворениях художественный образ наполняется новыми смыслами, расширяя семантическое поле слова. Это наглядно демонстрируют приведенные в статье примеры из авторских текстов. Лексемы ментальной сферы представляют собой ключ к пониманию идиостиля Игоря-Северянина и его авторского мировоззрения как основоположника литературного течения эгофутуризма, которому свойственно эстетизировать действительность, противопоставляя ей воображение человека.

Ключевые слова: лексика; семантика; идиостиль; слова ментальной сферы; ментальное поле; Игорь-Северянин; лексема *грёза*; лексема *мечта*; семантическое поле, частотный анализ, лингво-поэтика

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Для цитирования:

Шляхова Г.И. Узуальное и индивидуально-авторское функционирование лексем *грёза* и *мечта* в поэзии Игоря-Северянина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 1106—1115. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1106-1115

© Шляхова Г.И., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 811.161.1'37:821.161.1-31

Usual and Individual Authorial Functioning of Lexemes “Dream” and “Reverie” in Igor-Severyanin’s Poetry

Galina I. Shliakhova

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing
Tverskoy Boulevard 25, 123104, Moscow, Russian Federation
galine_24@mail.ru

The article contains the analysis of the mental sphere lexis in Igor-Severyanin’s poetry. The lexemes “dream”, “reverie” belong to mental field and represent leitmotifs, sense-making components of the ego-futurist’s literature. The frequency of their use in Severianin’s poetic texts is several times higher than is modern Russian language, which allows to notice their particular role. Moreover, the comparison of contextual and usual (dictionary) meaning shows that in poems the word-picture acquires new senses and expands the semantic field. This is visibly demonstrated by the examples of author’s use given in the article. The mental sphere lexemes help to perceive Igor-Severyanin’s individual style as well as his worldview that reflects principles of ego-futurism, the literary movement aestheticizing reality and bringing human imagination into the foreground.

Key words: lexis; semantics; individual style; mental sphere words; mental field; Igor-Severyanin; lexeme dream; semantic field; frequency analysis; linguopoetics

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

For citation:

Shliakhova, G.I. (2019). Usual and Individual Authorial Functioning of Lexemes “Dream” and “Reverie” in Igor-Severyanin’s Poetry. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 1106—1115. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-1106-1115

Введение

В современной лингвистике интенсивно развивается теория ментальности, под которой понимаются различные способы выражения всех сторон интеллектуальной жизни человека [1]. В.В. Колесов трактует термин как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [2. С. 81]. По мнению ряда авторов, языковая ментальность соотносится с мировоззренческой структурой сознания, а также с закреплением результатов мыслительной деятельности в естественном языке. Таким образом, речь идет об изучении ментальных процессов и структур, представленных в языке и речи [3]. В этой связи учеными уделяется все большее внимание лексике ментальной сферы, к которой принято относить понятия, обозначающие идейные компоненты, мысли, намерения [4. С. 3—6]. Ментальная лексика выступает прямым способом референции к ментальным состояниям человека [5. С. 51—57], а также включает в себя оценочный компонент, выражая мнение субъекта об объектах окружающей действительности [6. С. 143].

Лексемы, входящие в ментальную сферу, не просто называют процесс мышления, но также содержат в своей семантике элементы его описания, указывающие

на структуру мыслительного процесса, и «указывают на национально-этническую специфику восприятия, понимания, познания окружающей действительности отдельной языковой личностью или этнолингвистическим сообществом в целом» [3. С. 218], при этом для исследования важны не только их зафиксированные в словарях значения, но и функциональные проявления в условиях контекста. Вступая во взаимодействие с разного рода контекстуальными уточнителями, лексема опосредованно реализует мыслительный процесс как действие, состояние или отношение [3. С. 220].

Среди лингвистов устоялась традиция представлять языковые единицы, соотносимые с понятием мышления — как конкретного, так и абстрактного, в виде ментального поля. Системные отношения его компонентов подробно рассмотрены в научных работах В.Г. Гака: «Мысль — связующее звено между действительностью и языком. Все идет от действительности через мысль в язык, и все от языка возвращается через мысль в действительность. Все лексические единицы, соотносящиеся с понятием «мыслить», образуют ментальное поле» [7. С. 22]. В большинстве определений понятия *ментальность* заложена цепочка *Язык* → *Мышление* → *Знание (через познание)* → *Слово* [8. С. 36].

Лексика ментального поля имеет особенное значение для исследователей-лингвистов, когда речь идет о языке художественной литературы, которая наиболее полно отражает языковыми средствами ментальность народа и концептосферу языка [9. С. 156].

В данной статье использование лексем ментальной сферы рассмотрено на примере художественных текстов Игоря-Северянина, представителя «серебряного века» и основоположника отечественного эгофутуризма. Склонность автора эстетизировать реальность эпатажирующими экспериментами с формой, возводя в культ внешнюю «красивость» стиха, обуславливает доминирование в его поэтическом лексиконе слов ментальной сферы, благодаря использованию которых поэту удастся противопоставлять пошлой действительности преображенную сферу художественного мировоззрения.

Наблюдения за художественным языком Игоря-Северянина позволили вычлени две лексемы, которые лейтмотивом проходят сквозь его творчество и могут расцениваться как ключ к пониманию творческого мировоззрения поэта — *грёза* и *мечта*.

Данное предположение подтверждается частотным анализом лексем в поэтических текстах. При сопоставлении с частотностью употребления слов *грёза* и *мечта* в современном русском языке становится очевидным их количественное доминирование в стихотворениях Игоря-Северянина. (Сопоставление имеет некоторую погрешность, так как частотный словарь отражает современное состояние языка, тогда как Игорь-Северянин писал свои произведения в начале XX века, однако общая тенденция употребления лексемы *мечта* все же сохраняется.) В современном частотном списке лемм *мечта* имеет порядковый номер 2086 ($ipm = 57$, коэффициент ipm — *instancespermillionwords* указывает на частоту на миллион словоформ), *грёза* же только 11 398 ($ipm = 6,1$). Между тем у Северянина из 18 сборников и 5 поэм, входящих в Полное собрание сочинений, ни один сборник и ни одна поэма не обходятся без употребления — чаще всего многократного — данных лексем. Показательно, что в одном только сборнике «Громо-

кипящий кубок» общим объемом около 15 тыс. слов *грёза* встречается 51 раз, *мечта*— 45. (Поскольку в целях исследования нам важен разбор семантического поля, во внимание принимаются в том числе производные от корней *грез/мечт* слова.) То есть значительно превышена их частотность в лексиконе поэта по сравнению с частотностью в языке в целом: частота употребления лексемы *грёза* на пятнадцать тысяч слов в текстах Северянина имеет большее число, чем на миллион словоформ в языке в целом.

В рамках частотного анализа бросается в глаза эволюция поэтического лексикона Игоря-Северянина. Если *мечта* присутствует в поэтическом языке эгофутуриста относительно стабильно, то *грёза* — синонимичное, но более эмоционально окрашенное слово — в поздних сборниках встречается заметно реже, чем в раннем творчестве. Если в первом сборнике Северянина «Громокипящий кубок» обе лексемы употребляются примерно равное количество раз (как уже было сказано, *грёза* — 51, *мечта* — 45), то в примерно равном ему по объему сборнике «Классические розы» число использования словоформ *мечты* остается практически неизменным (49), а *грёзы* уменьшается в несколько раз (13). Еще более ошутимо сравнение двух других равных по объему сборников — «Ананасы в шампанском» и более поздний «Гост безответный». В первом из них лексема «грёза» по частотности употребления почти в два раза обгоняет *мечту* (40 VS 23), тогда как во втором их соотношение противоположное, причем частотность употребления *мечты* сохраняется на том же уровне (25), *грёза* же представлена в четыре раза меньше.

Обратимся теперь к семантическому наполнению данных лексем и словоформ на примере их авторского употребления в поэтических текстах Игоря-Северянина. В качестве отправной точки анализа важно определить узусальные значения понятий *грёза* и *мечта*, чтобы выявить на их фоне специфику их контекстуального авторского употребления.

Согласно статьям Большого академического словаря русского языка,

ГРЁЗА:

1. обычно мн.: грёзы, грёз. Мечта, создание воображения.
2. Сновидение; призрачное видение в состоянии бреда, полусна и т.п. [10. С. 380—381].

МЕЧТА:

1. Мысленный образ чего-л., представление о чем-л., сильно желаемом.
2. Предмет желаний, стремлений; желаемое событие.
3. О том, что нереально, неосуществимо.
4. Процесс создания в воображении представлений о чем-л. желаемом, предполагаемом или несуществующем, фантастическом [11. С. 945—946].

Таким образом, мы имеем дело с двумя лексемами, обозначающими абстрактные понятия и лежащими в пределах ментальной сферы, при этом их значения по узусу вступают в синонимические отношения. В поэзии Северянина синонимия этих слов сохраняется не всегда: где-то они удачно дополняют друг друга, а где-то приобретают прямо противоположные значения.

Важные наблюдения можно сделать при рассмотрении значения слов в диахроническом аспекте. Изучаемые лексемы фиксируются словарями уже в ранней древнерусской письменности (начиная с XII века), широко представлены в памят-

никах древнерусского языка различных жанров и разной территориальной принадлежности (см. например [12, 13]), при этом нельзя не заметить, как изменилась с течением истории языка их коннотация. Если в БАСе толкование обеих изучаемых лексем представляется нейтральным, то в словаре Владимира Даля XIX века наблюдается более недоверчивое отношение к *мечте* и особенно *грёзе*, постановка их в один ряд с понятиями, наделенными отрицательными чертами (сумасшествие, горячка, пустословие, мара).

Согласно словарным статьям В. Даля:

Грёза — мечта, блажь, мнимое видение, бред, игра воображения во сне, горячке или наяву при одностороннем направлении ума; речи во сне, в бреду, в горячке, в сумасшествии; пустые и ложные речи, сказки и рассказы, болтовня, пустословие [14. С. 402].

Мечта — всякая картина воображения, игра мысли; пустая, несбыточная выдумка, призрак, видение, мара [15. С. 330].

В Словаре XI—XVII вв. имеет еще более ярко выраженную негативную окраску.

Мечта — 1) Наваждение, призрак.
2) Колдовство, чародейство [16. С. 135].

Грёза — 1) Ил, муть, грязь.
2) Смятение, смешение [17. С. 128].

В этимологическом словаре отмечается, что происхождение лексемы *грёза* связано с *грязью* и *грехом* [18. С. 455].

У представителя «серебряного века» Северянина противоположное восприятие *грёзы* и *мечты*: вместо ассоциаций с черной магией и греховностью он наделяет их возвышенными свойствами, а порой даже обожествляет. Проиллюстрируем этот тезис конкретными примерами из лирики эгофутуриста.

В ряде текстов Игорь-Северянин интерпретирует *грёзу* в соответствии с узусом, который делает ее абстрактным понятием. Автор признает ее метафизичность, оторванность от действительности: «...бесплотен, как грёза» («Полярные пылы», сборник Громокипящий кубок» [19. С. 74], далее по тексту в скобках указываются страницы этого издания), «в грёзах ярких, но бесплотных» («Стансы», сборник «Ананасы в шампанском» С. 244).

Однако нередко в стихотворениях Северянина можно встретить примеры того, как *грёза* воплощается в конкретных предметах или олицетворяется. Важно, какие именно объекты материального мира выбирает автор для отождествления с ними *грёзы*: «грёза — сердечная моль» («В пяти верстах по полотну», сборник «Громокипящий кубок», С. 72), «вспорхнули грёзы Мая ульем» («Сказка сиреновой кисти», сборник «Громокипящий кубок» С. 73), «грёз весенних вспорхнула лукавая стая» («Зелёное очарованье», сборник «Классические розы», С. 884). В данных цитатах *грёза* становится частью природного мира, ассоциируясь с насекомыми (моль, пчела), птицами (стая). Крылатость, способность парить, воздушность являются теми свойствами *грёзы*, которые Игорь-Северянин выделяет во многих контекстах («крылатых грёз тускнеют краски» («Знаком ли ты?», сборник «Ананасы в шампанском», С. 248).

Кроме того, в уже приведенных цитатах поэтических текстов выявляется настойчиво выстраиваемые автором сопоставления *грёзы* и *весны* («грёзы Мая», «грёз весенних»). Отсюда проистекают ассоциации с теплом, светом, возрождением природы, цветением и буйством красок, что подтверждается множеством примером употребления лексемы и в других произведениях. Так, в стихотворении «Эскизетка» (сборник «Ананасы в шампанском», С. 219) *весна* и *грёза* оказываются однородными членами: «точно ребенка, Марчелла качала грёзу, меня и весну». В произведении «Что такое грёза?» (сборник «Ананасы в шампанском», С. 244) в числе прочих толкований понятия автор сравнивает *грёзу* с цветами («это мысль о розе», «это бархатисто-нежная мимоза»). В стихотворении «Валентина» (сборник «Ананасы в шампанском», С. 206) *грёза* также стоит в одном ряду однородных членов с *розой* («с тайной розой, с красной грёзой, с бирюзовую грозой глаз восторженных и наглых»). Еще один цветок, соотносимый поэтом с *грёзой*, — *фиалка*: «часто вы мне грезитесь фиалкой» («Мадригал», сборник «Ананасы в шампанском», С. 232), «лыются взоры ласково и грёзно: то лазорь, то пламя, то фиоль» (эпюда «Прогулка короля», сборник «Громокипящий кубок», С. 91).

Как видно из данных примеров, цветовая палитра ассоциативного ряда, окружающего *грёзу*, включает в себя насыщенные, яркие оттенки: красный, бирюзовый, фиолетовый, лазоревый. Список может быть продолжен: «Грезишь мраком зеленым?» — пишет автор в стихотворении «Это все для ребенка» (сборник «Громокипящий кубок» С. 29), создавая оксюморон и оставляя указание на зеленый — цвет жизни, даже говоря о мраке применимо к *грёзе*.

Важно отметить, что *мечта* в поэзии Северянина также часто помещается в семантическое окружение, связанное с весной, теплом, светом и красками: «пламенная мечта» («Последние зеленые листки», сборник «Вербэна», С. 607), «светлые мечты» («Стансы», сборник «Ананасы в шампанском», С. 244), «о, светлые, не покидайте мечтателя с душою знойной» («Элементарная соната», сборник «Громокипящий кубок», С. 28), «увидеться с вами я мечтаю весною, бирюзовой весною» («Это все для ребенка», сборник «Громокипящий кубок», С. 29). В сказке «Душистый горошек» из сборника «Громокипящий кубок»: «и опал разноцветный горошек, алым снегом мечтаний опал» (сказка «Душистый горошек», сборник «Громокипящий кубок», С. 50).

Между тем, несмотря на позитивные ассоциативные цепочки, *мечта* и *грёза* у Игоря-Северянина не исключают страданий. В уже упоминавшемся стихотворении «В пяти верстах по полотну» (сборник «Громокипящий кубок») *грёза* названа сердечной молью, что, вероятно, означает ее способность изъедать сердце.

Впрочем, анализируя многие произведения эгофутриста в комплексе, становится видно, что *грёза* и *мечта* не сами по себе причиняют лирическому герою боль (например, в стихотворении «Хочется мне плакать» (сборник «Тост безответный» С. 432) обнаруживаем антитезу «тягостно и душно» — «сладостно и грёзно»), но оказываются не в состоянии защитить его от зла окружающей действительности.

Возвратимся к ранее процитированному стихотворению «Стансы» из сборника «Ананасы в шампанском»: «счастье жизни <...> в грёзах ярких, но бесплотных».

Именно бестелесность и нереалистичность *грёзы* делают лирического героя — *грёзера* — легко уязвимым. «Грёзы больше не маги» — пишет Северянин в сти-

хотворении «Ты ко мне не вернешься» (сборник «Громокипящий кубок», С. 48), «Вы лжете мне, мечты!» — восклицает лирическая героиня в стихотворении «Ее монолог» (сборник «Громокипящий кубок», С. 37), «Мечтатели — вечно бездомники... Мечтатели в платье заплатадном...» — сказано в стихотворении «Фантазия восхода» (сборник «Громокипящий кубок», С. 66).

Несмотря на очевидную способность *грёзы* и *мечты* окрылять лирического героя (см., например, произведения из сборника «Громокипящий кубок»: «и загрезится сердце: все на свете возможно, все для Вас ничего» («Качалка грезэрки», С. 57), «как в мечтах я вознесен» («Русская» С. 43)), автор показывает, что они не в силах позволить избежать столкновения с зачастую жестокой реальностью, которое может оказаться трагичным. Выше уже приводилась строка из стихотворения «Знаком ли ты?»: «крылатых грёз тускнеют краски». Меланхоличный настрой мы находим и в стихотворении «Кадрильон» (сборник «Ананасы в шампанском», С. 248): «грезить и плакать, плакать и грезить».

Грёза и *мечта* в поэзии Северянина — носители всего лучшего и драгоценного, что есть в душе человека, но вместе с тем они не всемогущи. Северянин в своем творчестве многократно поднимает вопрос «смертности» *мечты* и *грёзы*: «погибшие грёзы» («Измена мая», сборник «Ананасы в шампанском», С. 236), «в душе — обмершая мечта» («Октябрь», сборник «Громокипящий кубок», С. 52), «пускай бы погибла мечта» («Земля и солнце», С. 54). Есть много указаний на то, что для лирического героя *мечта* и *грёза* синонимичны самой жизни, но их смерть не совпадает с физической смертью человека, откуда и возникает драма.

И треснул форм Мечты безжизненный фарфор!

Фарфоровые грезы!

(«То будет впредь...», сборник «Ананасы в шампанском», С. 240)

Лирический герой осознает угрозу потерять *мечту* и *грёзу*, готов к этой утрате («Мечта моя, прощай!» — «На мотив Фофанова», сборник «Громокипящий кубок», С. 47), но расставание с ними для него хуже смерти.

Мне кажется, гораздо лучше надеяться, хоть безнадежно,

Чем мертвому, в немом безгрезьи, покоиться бесстрастно-нежно.

(«Элементарная соната»)

В противоположность исторической причастности *грёзы* к греху, Северянин отмечает ее близость к святости. Одной из наиболее наглядных иллюстраций этому может служить стихотворение «Что такое грёза?» (сборник «Ананасы в шампанском»):

Что такое — грёза? Что такое — грёзы?

Это серафима блестящие слезы!

Культовое религиозное сооружение *часовня грёз* «возводит» автор в стихотворении «Призрак» сборника «Громокипящий кубок» (С. 92).

Но, пожалуй, самым показательным с точки зрения поэтического мировоззрения эгофутуриста можно считать употребление производного от *грёзы* существительного в стихотворении «Эпиталама»: «Душа грезэра, как рай, нелепа» (С. 68). Душа, охваченная *грёзой*, сравнивается с раем — символом святости, чистоты, безгрешности, местом высшего блаженства, но при этом она названа не прекрас-

ной или благословенной, а нелепой. Этот оксюморон объясняет и парадоксальный статус *мечты* и *грёзы* в мироощущении эгофутуриста.

Ментальные лексемы *мечта* и *грёза* формируют в поэзии Северянина альтернативную реальность. Своего рода «визитной карточкой» *грёзы* в творчестве автора может являться стихотворение «Грёзовое царство» (сборник «Громокипящий кубок» С. 89), которое начинается словами: «Я — царь страны несуществующей». Далее Северянин вводит образ «терема грёзового» — дома, в котором лирический герой отгораживается от действительности. Поэту близка идея рассмотрения *грёзы* и *мечты* как некоего пространства, в котором душа может поселиться, выстроить собственный микромир.

*В саду пигмеи, как цари,
Живут в мечте невероятного.*

(«Чайная роза», сборник «Громокипящий кубок», С. 46)

Сердцу, Грёзой живущему...

(«С озёр незамёрзших», сборник «Классические розы», С. 908)

Стоит добавить, что, несмотря на изменения в частотности употребления лексемы *грёза*, отмеченное в начале настоящей статьи, в семантическом аспекте не наблюдается переосмысления поэтом данного понятия в более позднем творчестве. В сборниках разных лет, на материалах которых проведено исследование («Громокипящий кубок», «Ананасы в шампанском», «Вербэна», «Классические розы», «Гост безответный»), прослеживается одинаковое смысловое наполнение лексемы. Что касается соотношения *грёзы* и *мечты*, справедливо предположить, что, имея смежные семантические поля в пределах ментальной сферы, эти слова в поэзии Северянина наделены похожими ролями и смысловой нагрузкой. Вместе с тем отношение автора к *грёзе* в некотором смысле более «трепетное»: даже при использовании слова в его узуальном значении поэт разнообразит контекстуальное употребление оригинальными неологизмами (*грэзэр, грэзэрка, огрезить, загрэзиться, грёзно, грёзово, грёзофарс*). Из малоупотребительного книжного слова в поэтическом лексиконе эгофутуриста *грёза* превращается в лейтмотив и доминанту, привлекая больше внимания, чем *мечта* в том числе за счет непривычного для обывателей преобладания в речи.

Обилие лексем ментальной сферы, обозначающих разрыв с действительностью и превалирование воображения, демонстрирует специфику идиостиля Северянина и концепцию его литературной школы.

Библиографический список

1. Пименова М.В. Смена стереотипов в лингвокультуре, или Новый взгляд на реликты древнего сознания. И слово Ваше отзовется: К 80-летию со дня рождения д-ра филол. наук, профессора Е.С. Отина. К.: Издательский дом Дмитрия Бугаго, 2012.
2. Колесов В.В. Тезисы о ментальности // Ученые записки Казанского государственного университета. 2006. Том 148, кн. 2. С. 5—13.
3. Омельченко С.Р. Функционально-семантическая характеристика русских ментальных глаголов // Известия Уральского государственного университета. 2004. no. 31. С. 217—229.
4. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993.

5. Рябцева Н.К. Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 51—57.
6. Иванова Г.Ф. Оценка в ментальной сфере языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. no. 9(3). Ч. II. С. 143—150.
7. Гак В.Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 22—40.
8. Лазарева О.А. Описание русской лексики: ментальность, лингвокультурология, идеография // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. no. 6 (2). С. 368—371.
9. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Блиц, 1999. С. 147—165.
10. БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 3. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
11. БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 6. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
12. Иванова М.В. Алфавитно-частотный указатель словоформ «Жития Стефана Пермского». Депонированная рукопись № 24353 от 03.03.1986. М.: ИНИОН, 1986.
13. Иванова М.В. К истории взаимодействия «книжного» и «некнижного» в лексике литературного языка на рубеже XIV—XV веков // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова. М., 1995. С.180—186.
14. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. Т. 1. СПб.—М., 1880.
15. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. Т. 2. СПб.—М., 1881.
16. СЛРЯХИ—XVII — Словарь русского языка (XI—XVII вв.). Выпуск 9. М., 1982.
17. СЛРЯХИ—XVII — Словарь русского языка (XI—XVII вв.). Выпуск 4. М., 1977.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Прогресс, 1986.
19. Северянин И. Полное собрание сочинений в одном томе. Составитель: Михаил Петров. М.: Альфа-книга, 2014.

References

1. Pimenova, M.V. (2012). Change of stereotypes in linguoculture, or a new look at the relics of ancient consciousness In *And your word will respond: To the 80th anniversary of the birth of Dr. Filol. Sciences, Professor E.S. Otin*. Kazan: publishing house of Dmitry Burag. (In Russ.).
2. Kolesov, V.V. (2006). Theses on mentality, *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 148(2), 5—13. (In Russ.).
3. Omelchenko, S.R. (2004). Functional-semantic characteristics of Russian mental verbs, *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 31, 217—229. (In Russ.).
4. Arutyunova, N.D. (1993). Introduction In *Logical analysis of language. Mental actions*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
5. Ryabtseva, N.K. (1993). Mental modus: from vocabulary to grammar In *Logical analysis of language: Mental actions*. Moscow: Nauka. pp. 51—57. (In Russ.).
6. Ivanova, G.F. (2007). Evaluation in the mental sphere of language, *Vestnik of Saint Petersburg University*, 9 (3-2), 143—150. (In Russ.).
7. Gak, V.G. (1993). Space of thought (the experience of systematization of words of the mental field) In *Logical analysis of language: Mental actions*. Moscow: Nauka. pp. 22—40. (In Russ.).
8. Lazareva, O.A. (2011). Description of Russian vocabulary: mentality, linguistic culturology, ideography, *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 6 (2), 368—371. (In Russ.).
9. Likhachev, D.S. (1999). The conceptual sphere of the Russian language. In: *Essays on the philosophy of artistic creativity*. St. Petersburg: Blitz. pp. 147—165. (In Russ.).
10. BAS — Dictionary of modern Russian literary language (1954). Vol. 3. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
11. BAS — Dictionary of modern Russian literary language (1957). Vol. 6. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).

12. Ivanova, M.V. (1986). Alphabet-frequency index of word forms “Lives of Stephen of Perm”. The deposited manuscript number 24353 of 03.03.1986. Moscow: INION. (In Russ.).
13. Ivanova, M.V. (1995). To the history of the interaction of the “book” and “non-book” in the vocabulary of the literary language at the turn of the XIV—XV centuries In *Philological collection. To the 100th anniversary of the birth of Academician V.Vinogradov*. Moscow. pp. 180—186. (In Russ.).
14. Dal, V.I. (1880). Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language. Vol. 1. St. Petersburg—Moscow. (In Russ.).
15. Dal, V.I. (1881). Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. 2. St. Petersburg—Moscow. (In Russ.).
16. Dictionary of the Russian language (XI—XVII centuries) (1982). Issue 9. Moscow. (In Russ.).
17. Dictionary of the Russian language (XI—XVII centuries)(1997). Issue 4. Moscow. (In Russ.).
18. Fasmer, M. (1986). Etymological dictionary of the Russian language. Vol. I. Moscow: Progress. (In Russ.).
19. Severyanin, I. (2014). Complete Works in one volume, Mikhail Petrov (Ed.). Moscow: Alpha-book. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Шляхова Галина Игоревна, аспирантка направления «Языкознание и литературоведение» ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького»; *e-mail*: galine_24@mail.ru

Information about the author:

Galina I. Shliakhova, post-graduate student of the direction “Linguistics and literature”, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education the “Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing”; *e-mail*: galine_24@mail.ru